

Научные исследования и этические принципы: современные дискуссии

Удболсын М. Сандыбаева*, Кульшат А. Медеуова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

*Автор для корреспонденции:

ulbolsyn.enu@gmail.com

mkulshat@gmail.com

1<https://orcid.org/0000-0001-7075-405X>

2<https://orcid.org/0000-0001-8860-9678>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-300-317>

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссии, связанные с этическими проблемами и дилеммами, с которыми сталкиваются ученые, проводящие исследования с участием людей. Через анализ разных историй злоупотреблений в исследованиях показано, как возникли этические принципы, кодексы, руководства, организации. Несмотря на то, что сегодня различные этические правила и руководства предоставляют существенные рекомендации, разногласия в сфере исследований и практики остаются. Кроме того, возрастающий процесс формализации этических принципов вызывает озабоченность у исследователей. Критика процессов бюрократизации в сфере этического регулирования исследований и практик представлена на примере канадского опыта. Опираясь на различные этические кодексы и рекомендации, определяются текущие принципы этических исследований с участием людей. Обсуждаются риски, в том числе связанные с социальными науками. Обзор литературы демонстрирует, какие проблемы сегодня становятся более актуальными, как профессиональные практики сталкиваются с этическими дилеммами и рисками. Делается вывод о том, что сложные дилеммы, которые возникают в исследовательских практиках, требуют междисциплинарных дискуссий и внедрения в различные академические и другие институции курсов по исследовательской этике. Хорошие профессиональные практики в разрешении этических дилемм нужно учитывать при разработке и совершенствовании собственных национальных руководств и кодексов. Статья, полагаем, внесет вклад в расширение дискуссий об исследовательской этике и профессиональной практике.

Ключевые слов: научные исследования; этика; исследовательская этика; социальная ответственность; этические кодексы; риски; философия науки.

Received 10 July 2023. Revised 25 September 2023. Accepted 11 November 2023.
Available online 15 December 2023.

For citation:

Sandybayeva U.M., Medeuova K.A. Scientific Research and Ethical Principles: Contemporary Debates Critical // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 145. – №. 4. – P. 300-317. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-300-317>.

Для цитирования:

Сандыбаева У.М., Медеуова К.А. Научные исследования и этические принципы: современные дискуссии // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 145. – №. 4. – С. 300-317. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-300-317>.

Введение

Для современных научных исследований и цифрового общества в целом, наиболее значимыми оказались проблемы этики. Энтузиазм по поводу прогресса науки, ее достижений сменился в середине прошлого века переоценкой, вызванной такими проблемами, как экологический кризис, испытания ядерного оружия, социальными проблемами, открытиями в области генной инженерии, биотехнологии, растущая дистанция между акторами и результатами действий, возрастающая неопределенность долгосрочных последствий исследований и практик, развитие искусственного интеллекта и другими. Ученые, совершая открытия, решая эти сложные проблемы, неизбежно сегодня сталкиваются с вопросами морального измерения науки, социальной ответственности. Распространенными становятся апокалиптические, алармистские дискурсы, а в философии науки – понимание ограниченности позитивистских идеализаций научного познания и, соответственно, появляются концепции с критикой современного типа рациональности в связи с элиминацией этической составляющей. В частности, можно упомянуть работу К. Хюбнера «Критика научного разума», в которой речь не идет об отказе от науки, а о появлении новых форм взаимодействия науки с другими сферами культуры, идеалах науки, ориентированных на гуманистические ценности. Как считает философ, собственно вопрос о границах научного рассмотрения природы и действительности включает в себя и вопрос о границах научного рассмотрения самого человека, то есть, всегда возникает вопрос о природе самого человека, когда он подчиняет науку каким-то целям (Хюбнер, 1994). Тогда возникает философский вопрос, о какой этике должна идти речь в связи с новыми формами рациональности и глобальными проблемами. О необходимости новой этики писал еще Г. Йонас, утверждая, что человечество практически стоит на пороге гибели и поэтому речь идет о новых масштабах ответственности и возникший коллективный праксис является для этической теории еще ничейной землей (Йонас, 2004). Из-за того, что принцип ответственности сосредоточен на угрозе выживанию вида, его можно понимать как своего рода «чрезвычайную этику». Г. Йонас говорит об «этике избегания», призванной предотвратить «чрезвычайное зло» перегрузки земной биосферы или видового самоубийства человечества (Werner, 2003). Однако, как замечает М. Вернер, означает ли принцип ответственности, что в рамках разных процессов «главная цель обеспечения выживания человечества» является принципиально приоритетной над требованиями свободы, справедливости и участия? Или мы должны хотя бы требовать соответствующей эффективности мер, направленных на сохранение вида, поскольку они приводят к моральным лишениям в смысле «прежней этики»? (Werner, 2003). Принцип ответственности не дает четкого ответа на этот вопрос. Однако, важно то, что он обогатил и обострил профессиональную этическую дискуссию, особенно это касается современного биоэтического дискурса.

Вопрос чувствительности отдельного ученого и научного сообщества как социальной группы по отношению к моральной ответственности за последствия научных открытий и технических изобретений становится все более актуальным.

Проблема социальной ответственности часто сводится к конфликту между правом на свободу исследований и требованием внешнего контроля. Это связано с сосуществованием возможностей и рисков в рамках научного исследования и, соответственно, это проблема управления рисками и проблема приоритетов. Безусловно, развитие искусственного интеллекта дает еще больше поводов для беспокойства и этического осмысления. Есть и проблемы, на которые указывает феминистская эпистемология, учет которых необходим для лучшего понимания научных знаний, поскольку этот подход в научных исследованиях призывает нас признать роль социального в производстве знаний.

Этические проблемы и дилеммы возникают во всех формах профессиональной практики, в том числе и в социальных науках. С созданием институциональных комитетов по

этике происходит все большая кодификация исследовательской этики и профессиональной практики, все же взгляды на этические последствия различных методов и практик различаются в зависимости от дисциплины и культурных контекстов. Проблемными сегодня становятся, как ни странно, последствия из все более формализованной структуры исследовательской этики, а именно, разрыв связи между соблюдением правил и этическими действиями. К. Хаггерти даже говорит о «ethics creper», по сути, расползании этики и рисках, которые бюрократизация представляет для науки (Haggerty, 2004).

Проблемы возникают и внутри самой философии, как например, необходимость этики воображения при понимании динамики между разумом и социальным порядком, в которой философы науки берут на себя ответственность за свои воображаемые представления. Речь идет о том, что философам следует задуматься об особенностях философского воображения и подумать, как идеализация науки, если она будет широко распространена, повлияет на философское сообщество и общество в целом (Sample, 2022).

Таким образом, этические вопросы становятся все более актуальными в исследованиях и в профессиональной практике, и они не всегда имеют простые правильные и неправильные ответы.

В данной статье с междисциплинарной оптики анализируются дискуссии, связанные с практиками и научными исследованиями, затрагивающие разные ситуации риска, правила, кодексы, которые регулируют исследования людей. В связи с усиливающейся формализацией процессов исследования, в статье акцентируется внимание на проблемных аспектах, демонстрирующие идею о том, что этика не сводится к формальным правилам. Делается вывод о том, что сложные дилеммы, которые возникают в исследовательских практиках, требуют междисциплинарных дискуссий и внедрения в различные академические и другие институции курсов по исследовательской этике.

Статья, полагаем, внесет вклад в расширение дискуссий об исследовательской этике и профессиональной практике. Кроме того, при разработке разного рода этических документов в академической среде, при создании собственной официальной бюрократии по этике исследований, необходимо учитывать опыт, хорошие профессиональные практики, и те проблемы, о которых пишут ученые и эксперты с разных университетов мира.

Материалы и методы

Проблема этических аспектов научных исследований, профессиональной практики не является новой для философии, однако быстрые изменения, происходящие в обществе с появлением разных технологий, способствуют возникновению проблем иного плана. Каждое достижение науки приносит как перспективы, так и определенные риски для социума. Поэтому рефлексия по поводу этических проблем может стать способом минимизировать потенциальные риски.

Анализ различных исследований по рассматриваемой теме демонстрирует, какие проблемы сегодня становятся более актуальными, как профессиональные практики сталкиваются с этическими дилеммами и то, что всегда есть потребность в постоянном пересмотре вопросов этической практики.

Для рассмотрения поставленных проблем перспективной является междисциплинарная оптика и философские подходы. Мы обратимся и к историческим контекстам, которые помогли сформировать этические руководящие принципы и политику, прежде всего, в исследованиях человека.

Существуют различные национальные положения об этическом проведении исследований, этические кодексы и рекомендации, и другие документы, особенно когда это касается исследований с участием людей и, соответственно, исследователь ориентируется на эти документы. Однако, стоит задуматься о том, в какой степени исследовательская этика может также применяться вне контекста этих исследовательских учреждений,

в которых работают специалисты по оценке воздействия. Понятно, что это касается вопросов защиты репутации этих учреждений и рассмотрения вопросов риска, все же у этических принципов существует широко признанная фундаментальная философская основа (Vanclay F., Baines J. T., Taylor C. N., 2013). В этом смысле можно говорить о том, что эти принципы также применимы ко всем практикам.

Обозначим этические принципы, которыми должны руководствоваться исследователи. Это уважение к участникам, информированное согласие, разрешение, необходимое для аудио- или видеозаписи, добровольное участие, полное раскрытие источников финансирования, непричинение вреда участникам, избежание неправомерного вмешательства, отсутствие использования обмана, презумпция и сохранение анонимности, конфиденциальность личных дел, защита данных, этическое управление, обеспечение процедур рассмотрения жалоб, соответствие методологии исследования и полная отчетность о методах. Возникают и другие темы, как конфликт интересов, моральный риск, права коренных народов и другие.

В статье будут рассмотрены и проблемные моменты, связанные с формализованными этическими принципами, в частности, на примере канадского опыта, а также ряд кодексов этических исследований и основные принципы в этих кодексах.

Кроме того, возрастающий интерес к этике, о чем свидетельствуют многочисленные конференции, рост числа специалистов по этике, этических политик в бизнесе, администрации, спорте и науке, не является ли проявлением моральной паники, преувеличением вреда и риска, или же средством заполнения морального вакуума? (Van den Hoonaard, 2001). Подобные вопросы также появляются в исследовательской среде и требуют внимания.

Результаты и обсуждение

К истории вопроса. Обращение к истории целесообразно, поскольку через разные истории можно увидеть прямую связь между злоупотреблениями в исследованиях, практиках и сформированными правилами, этическими принципами. По сути, знание историй злоупотреблений помогает понять правила, которые регулируют исследования людей.

История начинается с Нюрнбергского военного трибунала, который и актуализировал проблему этики научных исследований. В 1946 году американский военный трибунал возбудил уголовные дела против 23 ведущих немецких врачей и администраторов за их добровольное участие в военных преступлениях и преступлениях против человечности (Spellecy, Busse, 2021). Среди обвинений было то, что немецкие врачи и ученые проводили эксперименты над десятками тысяч узников концлагерей без их согласия. В результате большинство участников этих экспериментов умерли или остались навсегда искалеченными. После завершения работы трибунала исследовательское сообщество приняло первый в мире международный кодекс исследований на людях – Нюрнбергский кодекс, согласно которому добровольное согласие человека является абсолютно необходимым, и польза от исследования должна перевешивать риски. Хотя Нюрнбергский кодекс не имел силы закона, он стал первым международным документом, пропагандирующим добровольное участие и осознанное согласие. Кодекс стал основой Хельсинской декларации, принятой в 1964 году, которая установила правила этики медицинских исследований (Cantín, 2014). Однако, еще в 1900 году врач армии США Уолтер Рид и его коллеги на Кубе провели свои известные эксперименты с желтой лихорадкой. Поскольку риски участия в этих экспериментах были настолько велики, Рид и его коллеги попросили добровольцев подписать письменные документы, в которых говорилось, что они понимают риски эксперимента и согласны участвовать. По сути, это первый случай документирования информированного согласия в исследовании, то есть они следовали этической парадигме согласия, до того, как она получила более широкое признание (Shamoo et al., 2009).

Следует заметить, что во время Второй мировой войны и японские исследователи-медики убили тысячи людей в ходе медицинских ужасающих экспериментов. Большинство экспериментов проводилось в Китае, в период японской оккупации. В конце войны правительство США заключило сделку с Японией, чтобы получить доступ к данным экспериментов по созданию химического и биологического оружия, в обмен правительство США согласилось не преследовать японских врачей и учёных (Shamoo et al., 2009).

Хотя Нюрнбергский кодекс действительно помог определить некоторые стандарты этического поведения, но и после его принятия имело место множество злоупотреблений. Так, талидомидовая трагедия заставила многие страны пересмотреть практику сертификации лекарственных средств. Дело в том, что препарат в 1950 году был одобрен в качестве седативного средства в Европе, но не в США. Препарат назначали для контроля сна на протяжении беременности, однако выяснилось, что прием талидомида вызывал тяжелые деформации у плода. Многие пациенты не знали, что принимают препарат, который не был одобрен к использованию, и не давали информированного согласия. Около 12 000 младенцев пострадали из-за лекарства, родившись с тяжелыми дефектами. За этим последовали слушания в Сенате США, и в 1962 году были приняты поправки к Закону о пищевых продуктах, лекарствах и косметике, чтобы гарантировать эффективность и большую безопасность лекарств и впервые производители лекарств должны были доказать FDA (Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств) эффективность своей продукции, прежде чем продавать ее.

Обратимся к еще одной известной истории, связанной с исследованием сифилиса в рамках исследовательского проекта Службы общественного здравоохранения США в Таскиги. Шестьсот афроамериканцев с низким доходом, 400 из которых были заражены сифилисом, находились под наблюдением в течение 40 лет, при этом их систематически вводили в заблуждение, заставляя поверить в то, что они получают бесплатные и соответствующие лекарства, им о болезни не сообщалось, а говорилось о «bad blood». Несмотря на то, что проверенное лекарство пенициллин стал доступен в 1950-х годах, исследование продолжалось до 1972 года, и участникам было отказано в лечении, причем в тех случаях, когда другие врачи диагностировали у них сифилис, исследователи вмешивались для предотвращения лечения. В результате многие умерли от сифилиса в этот период. Исследование было прекращено после того, как о его существовании стало известно общественности, в прессе даже проводились сравнения с нацистскими экспериментами и в 1997 году администрация Клинтона принесла официальные извинения от имени правительства США. Исследовавший эту историю сотрудник Института этики Кеннеди Д. Джонс на основе архивных данных, обозначил это как самый продолжительный нетерапевтический эксперимент на людях в истории развития медицины (Jones, 1981). Просматривая медицинские заключения, официальные письма врачей, в которых встречались даже выражения о «невежественных темнокожих» и т.п., Джонс показывает, что это исследование уходит своими корнями в социал-дарвинизм и псевдонаучные расовые убеждения, имевшие место на протяжении большей части XIX и начала XX веков, в том числе, предубеждения о «syphilis-soaked race» (Jones, 1981). В этом отношении можно упомянуть и ситуацию со СПИДом, когда многие афроамериканцы стали считать, что меры здравоохранения являются частью заговора с целью уничтожения черной расы. В частности, New York Times процитировала Кларенса Пейджа, афроамериканского обозревателя и лауреата Пулитцеровской премии: «Вы могли бы назвать теории заговора о СПИДе и наркотиках маргинальными идеями, но они, кажется, имеют большое количество последователей среди черной интеллигенции...» (Dula, 1994). Споры по поводу использования плацебо в клинических испытаниях возникли в 1997 году, когда П. Лурье и С. Вульф, опубликовали статью, в которой они утверждали, что клинические испытания, проводимые в странах Африки и других развивающихся странах, были неэтичными (Lurie et al., 1997). Авторы выступают против использования плацебо-

контролируемых исследований, как нарушающих этику в поиске альтернативных схем антиретровирусной терапии для предотвращения перинатальной передачи ВИЧ. Они полагают, что исследования нарушают рекомендации, разработанные специально для решения этических проблем, связанных с исследованиями в развивающихся странах и что существует острая необходимость в разработке и соблюдении общепризнанного этического кодекса медицинских исследований на людях. Редактор Медицинского журнала Новой Англии (NEJM), в которой и была опубликована статья, М. Энджелл сравнила эти испытания с исследованием сифилиса в Таскиги, а также обвинила исследователей в принятии двойных стандартов, а именно, один для развитого мира, другой для развивающегося мира, после чего последовали международные дебаты (Angell, 1997). Были аргументы с разных сторон. Защитники спорных исследований утверждали, что субъекты, получавшие плацебо, не подвергались эксплуатации или плохому обращению, поскольку в любом случае у них не было доступа к азидотимидину (AZT), а участие в исследовании не ухудшило положение участников, и могло принести им пользу, предоставив им доступ к медицинской помощи (кроме AZT). Критики исследования утверждали, что собственно не важно, имели ли испытуемые доступ к лечению, необходимому для предотвращения перинатальной передачи ВИЧ, поскольку лечение доказало свою эффективность и было доступно в развитых странах. Однако, сторонники исследования утверждают, что нужно понимать этические сложности исследований в развивающихся странах и что проекты исследований могут варьироваться в зависимости от социальных, экономических и научных условий исследований.

Как отмечает Д. Ресник стандарты этических исследований на людях являются универсальными, но не абсолютными, то есть, существуют некоторые общие этические принципы, которые применяются ко всем случаям исследований на людях, но применение этих принципов должно учитывать факторы, присущие конкретным ситуациям (Resnik, 1998). Эти дискуссии, безусловно, затрагиваются и метаэтические вопросы.

Социальные и поведенческие исследования также могут нанести вред психологическому благополучию и репутации участников экспериментов, о чем свидетельствует, в частности, Стэнфордский эксперимент Зимбардо, в котором исследовались реакции человека на тюремное заключение. В эксперименте участники были поделены на «заключенных» и «охранников» и через некоторое время физическое и психологическое насилие «охранников» над «заключенными» стало настолько интенсивным, что один из участников исследования впал в истерику. Однако, процесс согласия на участие в эксперименте не предусматривал возможность прекращения данного участия по желанию испытуемого. Учитывая подобные ситуации, американская Национальная комиссия по защите прав субъектов биомедицинских и поведенческих исследований опубликовала Бельмонтский доклад, в котором были описаны основные принципы и рекомендации по защите прав участников исследований (Харламов и др., 2014).

Дж. Аннас, С. Элиас в работе «Gene mapping: using law and ethics as guides» обращаются к наследию евгеники, военным применениям, а также затрагивают вопросы расы и класса в контексте генетической дискриминации и ставят более широкие философские вопросы, как редукционизм и детерминизм, концепцию болезни и использование генной терапии для «улучшения» человека (Annas, Elias, 1992). То, как геномика будет внедрена в систему здравоохранения, окажет глубокое влияние на то, как мы концептуализируем конфиденциальность и информированное согласие в отношениях между врачом и пациентом. В отношении терминов, авторы поясняют, что большинство людей используют генетику и геномику как синонимы, но тем не менее, технически, генетика относится к действию отдельных генов, тогда как геномика относится к совокупности нашей ДНК и ее взаимодействию с окружающей средой, и более широкий термин заменит более узкий для большинства целей (Annas, Elias, 2015). Геномика не только предоставляет огромную информацию, но и предлагает новые способы ее использования для диагностики и лечения заболеваний. В связи с этим наиболее важными правовыми проблемами являются

конфиденциальность и информированное согласие, и самое главное, влияние, которое геномика может оказать на эти правовые доктрины. Эти аспекты и вызывают беспокойство у исследователей. Озабоченность вызывают и новые технологии редактирования ДНК, в частности, в аспекте опасений вероятного использования не столько для лечения болезней, сколько для попыток генетически создать «лучшего» ребенка. Отсюда и этические вопросы Аннас о том, готовы ли мы разрешить исследования эмбрионов, которые могут привести к появлению более сильных, умных детей или как выглядит «лучший» ребенок? И не путь ли это вновь к евгенике? То, как медицинское сообщество сейчас обращается с геномикой, будет определять, как в будущем будут соблюдаться медицинская этика, права пациентов. Геномная информация не будет защищена, как пишут исследователи, если этого не потребует общественность, поэтому эти обсуждения являются важными (Annas, Elias, 2015). Как генетику нельзя изолировать от медицинской практики, так и медицинскую практику и генетику нельзя понять без учета юридических и этических проблем. И возможно, «дневник прошлого и будущего» может быть лучшей метафорой конфиденциальности ДНК, и, соответственно, его следует считать таким же личным, как и собственный дневник (Annas, Elias, 2015). Знание генома может вероятностно предсказать некоторые из наших будущих проблем со здоровьем, но и информацию ДНК можно легко исказить и использовать против человека, поэтому необходимо полностью задействовать здравый смысл, когда предлагаются геномные ответы на сложные вопросы человеческого поведения.

Не углубляясь в разные ситуации, представленные кейсы уже свидетельствуют о том, что исследования на людях уже долгое время вызывают споры. Несмотря на то, что различные документы предоставляют рекомендации для исследователей, разногласия остаются, поскольку правила и руководства подлежат интерпретации и не охватывают, безусловно, все темы.

Право на свободу исследований и требование внешнего контроля.

Злоупотребления и риски, связанные с различными исследованиями и практиками привели к появлению этических кодексов и рекомендации и соответственно к различным формализованным структурам. Однако и здесь возникают разного рода проблемы. В этом контексте представляет интерес анализ канадского процесса этической проверки, проведенный членом Совета по этике исследований в области социальных наук, К. Хаггерти, причем аналогичные проблемы можно наблюдать и в американском опыте (Haggerty, 2004). Он вводит такое понятие, как «Ethics creep», по сути речь идет о том, что новая формальная система регулирования этического проведения исследований переживает своего рода «этическое расползание», когда система регулирования расширяется и включает в себя множество видов деятельности и институтов, в тоже время, усиливая регулирование всех видов деятельности, попадающие в ее сферу. Например, объема протоколов исследовательской этики; понятие «вреда», используемое Советом по этике исследований (REB); использование положений об информированном согласии и презумпции анонимности, как средства снижения рисков исследований (Haggerty, 2004: 392). Основной посыл заключается в том, что происходит разрыв связи между соблюдением правил и этическими действиями, а также появляются риски, которые «ethics creep», представляет для науки.

Автор, ссылаясь на М. Фуко, напоминает, что знание создается множеством форм ограничений. С этим сталкиваются и социальные науки. Как например, если это исследования с участием общин коренных народов, то результаты перед публикацией должны проверяться Советом племени или в криминологии увеличение специфических исследовательских контрактов и т. п. В целом, такие события ограничивают научные исследования и структурирует то, какие истины могут быть сказаны и кем. То, что мы ранее рассматривали на примере медицинских наук, институционализируются и в социальных науках, и эти науки также признаны как сфера, создающая риск. Поэтому протоколы этики исследований представляют собой официальную попытку управлять

такими рисками. К. Хаггерти обеспокоен тем, структура REB последует образцу бюрократий и будет расширяться, формализуя процедуры таким образом, что они все больше усложнят или подвергнут цензуре определенные формы нетрадиционных, качественных или критических социальных научных исследований. Логика этого процесса выглядит следующим образом. Как полагает автор, происходит переход от системы, основанной на предположении о профессиональной компетентности и ответственности ученого, к системе, основанной на институционализированном недоверии. Получается, что исследователям требуется дополнительный уровень надзора, чтобы гарантировать, что они действуют этично. Причем университеты взяли на себя многие из недостатков регулирующей бюрократии, которая имеет тенденцию расширяться. Это то, о чем еще М. Вебер писал, рассуждая о бюрократии и рациональности (Вебер, 2019).

К. Хаггерти обращает внимание на то, что журналисты более свободны от тех этических проверок, которым сейчас подвергаются ученые. «В конечном счете, это поднимает провокационный вопрос о том, облегчают ли университетские этические протоколы получение определенных форм знаний журналистам, а не исследователям, связанным с университетом» (Haggerty, 2004: 395). Есть и проблемы, связанные с трактовкой неоднозначных терминов, таких как «вред», «согласие» и даже «исследование». В том контексте он указывает на то, что REB работают с довольно широкими определениями как «исследователя», так и «исследования» и результате идет экспансивный процесс. В частности, автор приводит пример того, как студенты обычно хотят процитировать родителя или друга семьи, они удивляются, узнав, что такие обсуждения в контексте написания курсовой работы представляют собой форму исследования и как таковые должны получать этическое одобрение и соответствовать этическим протоколам. Как замечает, К. Хаггерти, одним из непреднамеренных последствий этого всеобъемлющего определения «исследования» может стать подавление инициативы некоторых энтузиастов-студентов. Или, когда одно и то же интервью проводят профессор гуманитарных исследований и журналист. Исследователь должен это заранее планировать за несколько недель или месяцев, поскольку «исследование» должно получить этическое одобрение и, возможно, придется искать освобождение от этической презумпции, что субъекты исследований останутся анонимными, в то время как журналист освобожден от этих процедур.

Возникают вопросы интерпретации относительно того, что означает серьезный вред и реальная вероятность того, что такой вред когда-либо материализуется. Вред, который может быть причинен социальными научными исследованиями, редко бывает такого же масштаба, как вред, причиняемый исследованиями в области медицинских наук, но есть примеры, когда социологи применяли исследовательскую практику, которую сегодня считают неэтичной. Яркие примеры, это исследование С. Милгрэма о послушании, тюремные эксперименты Ф. Зимбардо, которое мы ранее упоминали, исследование, Л. Хамфриса гомосексуального секса, совершаемый в общественных местах, практику, известную как «tearoom sex», представленной в его книге «Торговля в чайной» (Humphreys, 1970). Все эти эксперименты вызвали дискуссию. Этические советы в области социальных наук, как правило, обеспокоены перспективой того, что исследование может нанести ущерб репутации, финансам или отношениям участника исследования или расстроить, оскорбить, травмировать участника. Есть расхождение во мнении среди членов REB, как замечает К. Хаггерти, относительно того, как оценивать серьезность вреда, связанного с такими ситуациями, как расстраивание или травмирование участника исследования, где на практике будет проведена линия, отделяющая минимальный вред от большего, чем минимальный. Конечно, это не означает, что вред, предполагаемый REB, является вымышленным, но решения о будущих возможностях гораздо более субъективны и ситуативны. Автор обращает внимание на сам язык описания, например «ненужные риски» вводит в заблуждение, поскольку советы по исследовательской этике, как правило, не занимаются рисками. Риск имеет точное значение, чаще всего связанное с актуарной наукой. В целом, «опасность заключается в том, что, поскольку ничто не

ограничивает представления о возможном вреде, исследователей просят смягчить множество потенциальных возможностей именно потому, что мы не знаем, насколько они вероятны или маловероятны» (Haggerty, 2014: 403).

В отношении информированного согласия, которое, как было отмечено ранее, должно быть добровольным, участники должны знать, что они имеют право выйти из исследования в любое время, не подвергаясь никаким последствиям. При этом перенос положений из медицинских наук в социальные науки оказался предметом разногласий. Так, социолог Ван ден Хунаард, используя документы, официальные отчеты об исследованиях, а также личный опыт, демонстрирует непропорциональный аспект анализа исследовательской этики, который отдает предпочтение количественным исследованиям, в ущерб качественным исследованиям (Van den Hoonaard, 2001). В какой-то мере качественные исследователи, по выражению одного из социологов, которого цитирует Ван ден Хунаард, стали жертвами этических ошибок в медицинских исследованиях. Например, исследовательские «протоколы», имеющие значение для исследователей-медиков, совершенно незнакомы среди качественных исследователей, формы согласия в этнографии, включенного наблюдения или исследовательских интервью, кажутся неоправданно формальными и иногда неработоспособными. Неуместность использования подписанной формы согласия дополнительно подчеркивается тем фактом, что этнографические исследования не предполагают экспериментирования. Иногда исследователи полностью отказываются от этого компонента исследования, поскольку они оказываются слишком обременительными. Это касается и видеозаписей. Озабоченность вызывает и то, как положения об информированном согласии повлияют на интернет-исследования. В настоящее время в мировом исследовательском сообществе ведутся дискуссии о том, какие этические протоколы должны регулировать исследования в Интернете.

Положения об информированном согласии также затрудняют проведение исследований, в которых используется обман. Эта ситуация имеет свою историю, когда исследователи намеренно искажают свою личность, чтобы войти в недоступные социальные ситуации. К. Эриксон считает такие исследования неэтичными, поскольку подрывают ответственность исследователя перед своими объектами и могут нанести ущерб репутации области социологии (Erikson, 1967). Эта тема стала активно обсуждаемой. Дж. Корн в своей книге «Иллюзии реальности» показывает, как обман используется в психологических исследованиях для создания иллюзий реальности, то есть такой ситуаций, в которых участвуют субъекты исследования, но не раскрывается истинная цель эксперимента (Corn, 1997). Эти иллюзии реальности создаются с помощью различных форм обмана, таких как предоставление людям ложной информации о том, как они проходят тесты, или использование актеров, играющих роли. Это, в том числе драматичные и противоречивые исследования в истории психологии. В целом, общая тенденция заключалась в ограничении использования обмана в исследованиях из-за практических трудностей или невозможности получения информированного согласия. «Какими бы ни были мнения об ограничениях на обман в исследованиях, мы не должны недооценивать ущерб, который это развитие повлекло за собой для науки», дело в том, что в США половина статей до 1985 года касались той или иной формы обмана, ссылаясь на Корна, пишет Ван ден Хунаард (Van den Hoonaard, 2001:406).

Информированное согласие увеличивает и трудности в проведении критических научных исследований. Например, это касается интервью у полицейских на работе, чтобы узнать о полицейском расизме, коррупции, сексизме, насилии. В этой ситуации исследование с использованием формы согласия, информирующая сотрудников о теме исследования, скорее будет затруднено. Это касается и других критических исследований (Van den Hoonaard, 2001: 406).

Исследовательские стратегии, которые становятся все более проблематичными в академических кругах, в связи с информированным согласием, не представляют сложности в журналистской практике, поскольку они обладают свободой действий и

самостоятельно судят о том, могут ли они представлять этический риск. В отношении обмана также, как замечает Ван ден Хунаард, он стал обычной практикой во всех видах телевизионных игровых шоу, реалити-шоу, так же и в полиции это имеет место быть. Обман, предпринимаемый учеными для распространения знаний и решения более крупных социальных проблем, обычно запрещен по этическим соображениям (Van den Hoonaard, 2001: 407).

Другой важный принцип этической политики – анонимность. Однако и здесь есть важные оговорки, например, в случаях жестокого обращения с детьми, или если исследователи столкнутся с другими случаями преступного поведения, их могут по закону обязать раскрыть их источники. Наглядным примером, демонстрирующим дилемму, является случай с Расселом Огден, студентом магистратуры (MA student) криминологии в Университете Саймона Фрейзера. Эту историю подробно описывают Т. Палис и Дж. Лоума (Palys, Lowman, 2000). С 1992 по 1994 год Огден проводил интервью с людьми, которые присутствовали при самоубийствах и эвтаназии людей, больных СПИДом. Университетский комитет по этике одобрил протокол исследования Огдена, включая его обещание сохранять «абсолютную конфиденциальность» в отношении участников его исследования. В 1994 году он был вызван в суд для дачи показаний по делу о смерти «неизвестной женщины». Огден согласился дать показания о результатах своего исследования, но отказался назвать участников своего исследования, тогда ему пригрозили обвинением в неуважении к суду. Когда Огдена вызвали в суд, «администрация университета отказалась предоставить юридическую помощь и не присутствовала на заседании, выделил всего лишь 2000 долларов из «сострадания» на оплату судебных издержек, которые, в конечном счете, составили более 11 000 долларов» (Palys, Lowman, 2000: 39). Огден выиграл дело, а затем подал в суд на университет, чтобы ему возместили судебные издержки. Таких ситуаций много в истории исследований. И в соблюдении этого принципа анонимности есть также различие между академическим исследователем и журналистом.

Ван ден Хунаард обращает внимание на то, что исследовательская этика разрабатывается и используется в контексте либерально-демократической традиции, которая подчеркивает права и свободы личности. Такая индивидуалистическая традиция может быть совершенно чуждой другим культурам, где преобладает коллективизм и стремление к индивидуальному согласию может стать оскорблением для более широкой группы (Van den Hoonaard, 2001).

Рассмотрев разные аспекты работы этических советов и проблем в отношении формализованных процедур на примере канадского опыта, К. Хаггерти приходит к не очень оптимистичным выводам. Он полагает, что нужно рассматривать этику как нечто большее, чем простое следование правилам. Фетишизация правил может свести этические системы к форме конформистского следования правилам. Получается, что исследователи рискуют показаться неэтичными, если они, например, не получают подписанную форму согласия, независимо от того, существовала ли хоть малейшая вероятность причинения кому-либо вреда в результате такого исследования. «Авторитет этической структуры рискует стать более принудительным, чем моральным» (Haggerty, 2014: 410). Кроме того, он акцентировал внимание на том, что такие концепты как «исследования», «исследователь» или «вред» в Политике являются пустыми означающими, которые можно интерпретировать множеством способов.

В итоге Хаггерти заключает, что расползание этической структуры продолжит свою экспансионистскую динамику, а бюрократия станет более крупной, более формальной и более жесткой. И здесь проблема заключается в том, что чем больше этических препятствий устанавливается для инновационных и критических исследований, тем больше риска гомогенизации исследований, поскольку ученые могут предпочесть путь наименьшего институционального сопротивления. Поэтому необходимо задуматься, как заключает исследователь, чьим интересам служат такие меры и что в результате теряется.

Оценка воздействия и этические принципы.

Предложенный небольшой обзор показывает, что этические проблемы и дилеммы возникают во всех формах профессиональной практики и социальные науки не являются исключением. Хотя и усиливаются процессы кодификация исследовательской этики, профессиональной практики, все же взгляды на этические последствия различных исследовательских методов и практик различаются в зависимости от дисциплины и разных культурных условиях. В предыдущей части мы показали озабоченность социологов. Поэтому уместно постоянно пересматривать тему этической практики, этических проблем, которые могут возникнуть и активно обсуждать их в профессиональной среде.

В частности, Б. Дженнингс, говоря о необходимости разработки, внедрения курсов по этике и выделяет пять основных целей этического образования для практикующих специалистов. Это стимулирование и расширение морального воображения, признание этических проблем, развитие аналитических навыков, воспитание чувства морального долга и ответственности и как справиться с моральной двусмысленностью (Jennings B. et al, 2003). Речь идет о том, что специалистам необходимо, в частности, он говорит о сфере здравоохранения, понимать этические проблемы, приобретать сочувствие к людям и интерпретировать контексты с моральной точки зрения, знать, когда и как возникают этические проблемы, изучить словарь этики и моральных аргументов, развить навыки анализа и решения этических ситуаций, развить понимание личных обязательств и ответственности, уметь справляться с ситуациями, когда нет очевидного морального выбора и основываться на моральных аргументах. Решения в этих случаях должны основываться не на личных предпочтениях или корыстных интересах, а на обоснованных моральных аргументах. Потенциал моральной двусмысленности также означает, что отдельные практикующие специалисты должны иметь возможность обсуждать этические суждения с другими и уметь защищать свои решения и действия на моральных основаниях. «Вопросы о правильном и неправильном, хорошем и плохом могут, наконец, не допускать единого или окончательного ответа, но это не означает, что ответы, которые мы даём и должны давать, являются просто делом вкуса». (Jennings B. et al, 2003: 6).

В предложенной этими авторами учебной программе в качестве отдельного кейса рассматривается «Таскиги», его наследие и то, как оно функционирует как культурный символ и основа для рассмотрения этических проблем в общественном здравоохранении. Авторы ставят разные вопросы для обсуждения, в том числе и такие: как следует использовать концепцию «расы» в исследованиях? Как общество отреагирует на выявление рисков заболеваний, связанных с расово или этнически определенными группами населения? Как следует планировать исследования по таким вопросам? Как можно использовать результаты исследований, чтобы избежать дальнейшего ущемления расовых или этнических групп? Учитывая структуру американского общества, как можно осмысленно отличить социальные и экономические факторы от расовых категорий как в проведении, так и в отчетности об исследованиях? Фактически, как замечает Б. Дженнингс, эта история поднимают вопросы о концептуальной основе и практической реализации того, что можно считать инструментами передовой практики проведения исследований с уязвимыми группами населения или сообществами меньшинств. (Jennings B. et al, 2003: 39).

Опираясь на различные национальные положения об этическом проведении исследований, этические кодексы профессиональных ассоциаций и международных агентств, этические рекомендации в учебниках по методам социальных исследований, Ф. Ванкли, Дж. Т. Бейнс и К.Н. Тейлор определяют современные принципы этических исследований с участием людей, рассматривают их значение для практики оценки воздействия в целом и социального воздействия (Vanclay et al., 2013). Данное исследование представляет для нас интерес, поскольку оно охватывает все формы оценки воздействия. Авторы подчеркивают, что стоит задуматься о том, в какой степени исследовательская этика может применяться вне контекста официальных исследовательских учреждений.

Поскольку у этических принципов существует фундаментальная философская основа, то в этом смысле эти принципы также применимы ко всем практикам, независимо от их институциональной среды. Применение этики в профессиональном контексте часто принимает форму письменного кодекса, документа или соглашения, которое обуславливает морально приемлемое поведение отдельных лиц внутри организации или профессии, как например, в области медицинских исследований Хельсинкская декларация является определяющим заявлением, существует множество ассоциаций с разными этическими кодексами, в том числе Международная ассоциация по оценке воздействия (International Association for Impact Assessment Citation).

Однако, в кодексах акценты могут быть разными, например, большее внимание может уделяться продвижению передовой практики, или же на предотвращение злоупотреблений служебным положением, некоторые устанавливают идеальные модели поведения, другие устанавливают реальные требования к поведению. Некоторые этические кодексы больше касаются последствий поведения человека для его коллег внутри организации, другие поддерживают доверия внешних сторон. Если целью кодекса является установление соглашения об общих ценностях между членами организации, то необходим процесс поиска консенсуса (Rossouw, 1997).

Все же универсальные принципы можно вывести из моральных и философских основ. Так, после различных печально известных медицинских экспериментов определены три всеобъемлющие научные нормы, которые регулируют все исследования с участием людей: уважение к личности – требование как уважать автономию людей, так и защищать лиц с ограниченной автономией; благодеяние – непричинение вреда; справедливость – обеспечение разумных, неэксплуататорских и тщательно продуманных процедур со справедливым распределением затрат и выгод (Vanclay et al., 2013).

Исследуя динамику дискуссий об этической профессиональной практике Ф. Ванкли, Дж.Т. Бейнс и К.Н. Тейлор отмечают постепенное изменение акцентов в этических кодексах. Более ранние кодексы фокусировались на обязательствах перед обществом и надлежащем проведении исследований, тогда как новые кодексы фокусируются на обязательствах перед участниками исследований. Наблюдается также переход от нормативной этики к процедурной этике. В частности, в версии Американской антропологической ассоциации 2012 года четко говорится, что «обязательства перед участниками исследования обычно первичны» (цитата по Vanclay et al., 2013).

Эти авторы, проанализировав ключевые документы и литературу в области этики, выделили ряд взаимосвязанных принципов, которые считаются основой этических исследований с участием людей, несмотря на разные контексты. Приведем эти принципы, некоторые из которых мы ранее обозначали.

Уважение к участникам. Здесь отметим только такой момент, как обеспечение защиты лиц с ограниченной автономией, а также тех, кто маргинален или уязвим.

Информированное согласие. Этот принцип мы ранее упоминали, он предполагает, что участие должно быть добровольным выбором и основано на достаточной информации и адекватном понимании исследования и последствий их участия. Обычно информированное согласие фиксируется в письменной форме. М. Израэль и А. Хэй подробно анализируют информированное согласие в своей книге «Research ethics for social scientists» (Israel, Hay, 2006).

Специальное разрешение аудио- или видеозаписи. Это может являться и юридическим требованием в соответствии с законодательством о конфиденциальности большинства стран.

Добровольное участие и отсутствие принуждения. Отсутствие принуждения не означает, что за участие не должно взиматься плата, при этом любая такая оплата должна быть соизмерима с количеством времени и ожидаемым нормальным доходом участников и не должна быть чрезмерной, чтобы представлять собой взятку или ненадлежащее поощрение.

Право на выход. В соответствии с принципом добровольного участия участники должны знать, что они могут выйти в любое время и удалить любые свои уже записанные данные из анализа, где это возможно.

Полное раскрытие источников финансирования.

Никакого вреда участникам. Речь идет не только о том, что участники не должны подвергаться опасностям, но и в результате не должно быть никаких неблагоприятных последствий для человека. Последнее, как отмечают авторы, оказаться более сложным. Иногда участие в социальных исследованиях может вызвать эмоциональный стресс. В этом случае исследовательское взаимодействие не должно завершиться до тех пор, пока не будет достигнуто определенное разрешение эмоционального расстройства.

Избегание неоправданного вмешательства. Это подразумевает уважение к личной жизни участников и то, что исследователи должны осознавать, что является личным и частным.

Запрещение использования обмана. Использование обмана или скрытых методов должно использоваться только при определенных обстоятельствах и только после одобрения комитета по этике.

Презумпция и сохранение анонимности. Существует презумпция анонимности и требуется явно разрешение участников на любое использование настоящих имен людей или в тех случаях, когда личность человека будет очевидна из контекста.

Право проверять и изменять стенограмму (транскрипт). Если имена людей указаны или их можно идентифицировать, эти участники имеют право проверять, как их цитируют, и вносить изменения в стенограмму и любой проект публикации, который может быть подготовлен, чтобы убедиться, что они согласны с тем, как они цитируются.

Конфиденциальность личных вопросов. На исследователя лежит ответственность выносить суждения о том, о чем следует сообщать, а что не следует разглашать публично. Даже если исследователь что-то раскрыл, это не дает ему автоматически права обнародовать это. Когда информация передается исследователю конфиденциально, такая конфиденциальность должна быть защищена.

Защита данных. Необходимо позаботиться о том, чтобы данные хранились надежно и защищены от несанкционированного доступа. Ожидается, что будут установлены сроки безопасного удаления данных.

Обеспечение участия. Исследователи несут этическую ответственность за обеспечение включения всех лиц и групп в исследование, и там, где они могут быть исключены по причинам языка, доступа или стоимости участия, должна быть предпринята попытка обеспечить участие путем предоставления соответствующих средств доступа, чтобы компенсировать расходы на посещение.

Этическое управление. Для надлежащего функционирования этических процедур необходимо наличие системы этического управления. Должен быть комитет или другой орган, который может проверять протоколы исследований до их проведения, давать советы исследователям и участникам и выносить решения в отношении жалоб.

Процедура рассмотрения жалоб. Этическое управление требует, чтобы участники имели доступ к процедуре рассмотрения жалоб и прибегали к корректирующим действиям.

Соответствие методологии исследования. Процедура исследования должна быть надежной и обоснованной.

Полная отчетность о методах. Методы исследования и аналитические процедуры должны быть полностью раскрыты, чтобы: обеспечить возможность повторения исследования другим исследователем; обеспечить экспертную оценку адекватности и этичности методологии; поощрять критическое самоанализ ограничений методологии и любых последствий для результатов и выводов (Vanclay et al., 2013).

Кроме того, акцентируется внимание на этических принципах в отношении к коренным народам, что связано во многом с неэтичными исследовательскими практиками в истории. Есть Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, разрабатываются разные кодексы для исследований или других взаимодействий с участием

коренных народов, так, например, один из кодексов был разработан Австралийским институтом исследований аборигенов и жителей островов Торресова пролива (AIATSIS). И такой принцип, как информированное согласие становится предметом обсуждения прав человека, а не просто вопросом этической исследовательской практики.

В целом, представленные принципы должны служить руководством для исследователей и, конечно же, нужно обсуждать этические вопросы с учетом междисциплинарного контекста, диалог в любой сфере всегда необходим. Итак, сбор данных и другие действия, предпринимаемые в рамках оценки воздействия, в которых каким-либо образом участвуют люди, требуют учета этических принципов исследований.

Заключение

Вера в способность науки решить самые насущные проблемы сегодня оборачивается и осознанием того, что наука сама по себе создает и риски. Причем речь сегодня идет не только о естественных и медицинских науках, но и социальные науки признаны как сфера, создающая риски. Представленный выборочный обзор как исторических аспектов, так и проблемных, связанных с ключевыми документами и принципами в области этики исследования, демонстрируют важность и сложность проблемы.

Несмотря на то, что различные правила и руководства предоставляют существенные рекомендации, разногласия остаются, поскольку правила и руководства подлежат интерпретации и не охватывают все темы. Социальная ответственность, являясь важным принципом научных исследований, также может привести к некоторым этическим дилеммам, конфликты могут возникнуть и внутри самого принципа, когда ученые решают, как лучше всего сбалансировать выгоды и риски для общества.

Злоупотребления и риски, связанные с различными исследованиями и практиками, привели к появлению этических кодексов и рекомендаций, и соответственно, к различным формализованным структурам. Однако и здесь возникают разного рода проблемы. Фетишизация правил может свести этические системы к форме конформистского следования правилам. Таким образом, саму этику нельзя рассматривать упрощенно, как простое следование правилам, этическая и профессиональная практика – это больше, чем просто наличие кодекса поведения. При этом, безусловно, не умаляется важность этических процедур и необходимость разного рода кодексов и иных документов. Можно выделить ряд взаимосвязанных принципов, которые считаются основой этических исследований, несмотря на разные контексты.

Поскольку наука становится все более глобальной по своим масштабам, важное значение имеет международное сотрудничество по этическим вопросам, в том числе и для обеспечения доверия общественности к исследованиям.

Особое внимание следует уделить этическому образованию, ведь всегда легче предотвратить этические проблемы в исследованиях. Такие цели, как расширение морального воображения, признание этических проблем, развитие аналитических навыков, воспитание чувства морального долга и ответственности и то, как справиться с моральной двусмысленностью, важны для будущих специалистов. Поэтому курсы по этике с подобными целями нужно внедрять не только в университетах, но и других организациях, занимающихся исследованиями. И, конечно, нужны междисциплинарные дискуссии особенно сейчас, когда развитие технологий, в том числе искусственного интеллекта, дают все новые поводы для этической рефлексии и озабоченности.

Финансирование

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №. BR21882302 Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски).

Список литературы

- Angell M. The Ethics of Clinical Research in the Third World. // *New England Journal of Medicine*. – 1997. – №337. – P. 847-849.
- Annas G. J., Elias S. *Gene mapping: using law and ethics as guides*. – Oxford University Press, 1992.
- Annas G., Elias S. *Genomic Messages: How the Evolving Science of Genetics Affects Our Health, Families, and Future*. – Harper Collins, 2015. – P. 304.
- Cantín M. World Medical Association Declaration of Helsinki: ethical principles for medical research involving human subjects. Reviewing the latest version // *International Journal of Medical and Surgical Sciences*. – 2014. – Т. 1. – №. 4. – С. 339-346.
- Dula A. African American suspicion of the healthcare system is justified: what do we do about it? // *Cambridge quarterly of healthcare ethics*. – 1994. – Т. 3. – №. 3. – P. 347-357.
- Erikson K. T. A comment on disguised observation in sociology // *Social Problems*. – 1967. – Т. 14. – С. 366-373.
- Haggerty K. D. Ethics creep: Governing social science research in the name of ethics // *Qualitative sociology*. – 2004. – Т. 27. – С. 391-414.
- Humphreys L. *Tearoom trade: Impersonal sex in public places*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. – P.180.
- Israel M., Hay I. *Research ethics for social scientists*. – Sage, 2006.
- Jennings B, et al. Introduction: a strategy for discussing ethical issues in public health. In: Jennings B, editor. *Ethics and public health: model curriculum*, 2003. – P. 241.
- Jones J. H. *Bad Blood: The Tuskegee Experiment: A Tragedy of Race and Medicine* // New York: The Free Press. – 1981. – Т. 3. – P. 15-54
- Korn J. H. *Illusions of reality: A history of deception in social psychology*. – SUNY Press, 1997.
- Lurie P., Wolfe S. Unethical Trials of Interventions to Reduce Perinatal Transmission of the Human Immunodeficiency Virus in Developing Countries // *New England Journal of Medicine*. – 1997. – №337. – P. 853-856. doi: 10.1056/NEJM199709183371212.
- Palys T., Lowman J. Ethical and legal strategies for protecting confidential research information // *Canadian Journal of Law and Society/La Revue Canadienne Droit et Société*. – 2000. – Т. 15. – №. 1. – С. 39-80.
- Resnik D. B. The ethics of HIV research in developing nations // *Bioethics*. – 1998. – Т. 12. – №. 4. – С. 286-306.
- Rossouw G. J. Business Ethics in South Africa // *Journal of Business ethics*. – 1997. – Т. 16. – С. 1539-1547.
- Sample M. Science, responsibility, and the philosophical imagination // *Synthese*. – 2022. – Т. 200. – №. 2. – С. 79.
- Shamoo A. E., Resnik D. B. *Responsible conduct of research*. – Oxford University Press, 2009. – P. 341.
- Spelley R., Busse K. The history of human subjects research and rationale for institutional review board oversight // *Nutrition in Clinical Practice*. – 2021. – Т. 36. – №. 3. – С. 560-567.
- Van den Hoonaard W.C. Is Research-Ethics Review a Moral Panic? // *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. – 2001. – Т. 38. – №. 1. – С. 19-36.
- Vanclay F., Baines J. T., Taylor C. N. Principles for ethical research involving humans: ethical professional practice in impact assessment Part I // *Impact assessment and project appraisal*. – 2013. – Т. 31. – №. 4. – С. 243-253.
- Werner M. H. Hans Jonas' Prinzip Verantwortung // *Vorläufige Manuskriptversion. Zitierfähige Fassung in: Düwell, Marcus / Steigleder, Klaus / Bioethik: Eine Einführung*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. – S. 41-56.
- Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 542.
- Йонас Г. *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
- Харламов В.Э., Харламова Т.М. *Этика научного исследования: зарубежный опыт* // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 5-2. – С. 402-405
- Хьюбер К. *Критика научного разума*. – М.: ИФ РАН, 1994. – 326 с.

Улболсын М. Сандыбаева, Кульшат А. Медеуова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Ғылыми зерттеулер және этикалық принциптер: қазіргі заманғы пікірталастар

Аңдатпа. Мақалада адамдарға қатысты зерттеулер жүргізетін ғалымдардың ізденіс барысында кездесетін этикалық мәселелер мен дилеммалар бойынша пікірталастар қарастырылады. Әртүрлі қиянат оқиғаларын талдау арқылы этикалық принциптердің, кодекстердің, нұсқаулықтардың және ұйымдардың қалай пайда болғаны көрсетіледі. Бүгінгі таңда әртүрлі этикалық нормалар мен ұстанымдар маңызды нұсқаулық ретінде қызмет еткенімен, зерттеулер мен тәжірибелердегі қайшылықтар сақталуда. Сонымен қатар, этикалық принциптерді рәсімдеу процесінің белең алуы зерттеушілерді алаңдатады. Канадалық тәжірибе мысалында ғылыми зерттеулер мен тәжірибелерді этикалық реттеу саласындағы бюрократизация процесіне сын келтірілген. Әр түрлі этикалық кодекстер мен нұсқаулықтарға сүйене отырып, адамдардың қатысуымен этикалық зерттеулер жүргізудің заманауи принциптері анықталды. Тәуекелдер, соның ішінде әлеуметтік ғылымдармен байланысты мәселелер талқыланады. Әдебиеттерге шолу бүгінгі күні қандай мәселелердің өзекті болып келе жатқанын және кәсіби зерттеушілердің этикалық дилеммалар мен тәуекелдерге қалай тап болатынын көрсетеді. Зерттеу тәжірибесінде туындайтын күрделі дилеммалар пәнаралық пікірталастарды және әртүрлі академиялық және басқа мекемелерде зерттеу этикасы курстарын енгізуді қажет етеді деген қорытындыға келді. Этикалық дилеммаларды шешудің тиісті кәсіби тәжірибесі өзінің ұлттық нұсқаулықтары мен кодекстерін әзірлеу және жетілдіру кезінде ескерілуі керек. Мақала ғылыми зерттеулер этикасы мен кәсіби тәжірибе туралы пікірталастардың кеңеюіне ықпал етеді деп санаймыз.

Түйін сөздер: ғылыми зерттеу; этика; зерттеу этикасы; әлеуметтік жауапкершілік; этикалық кодекстер; тәуекелдер; ғылым философиясы.

Ulbolsyn M. Sandybaeva, Kulshat A. Medeuova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Scientific Research and Ethical Principles: Contemporary Debates

Abstract. This article addresses debates surrounding ethical issues and dilemmas faced by scientists conducting research with human participants. Through the analysis of different stories of abuse, the research shows how ethical principles, codes, guidelines, and organizations emerged. Although various ethical rules and guidelines provide significant recommendations today, controversies in research and practice remain. In addition, the increasing process of formalizing ethical principles is causing concern among researchers. A critique of the processes of bureaucratization in the field of ethical regulation of research and practice is presented using the example of Canadian experience. Drawing on various ethical codes and recommendations, current principles for ethical research involving human subjects are identified. Risks are discussed, including those related to social sciences. The literature review demonstrates which issues are becoming more pressing today and how professional practitioners face ethical dilemmas and risks. It is concluded that the complex dilemmas that arise in research practices require interdisciplinary discussions and the introduction of research ethics courses in various academic and other institutions. Good professional practice in resolving ethical dilemmas should be taken into account when developing and improving one's own national guidelines and codes. We believe the article will contribute to broadening discussions about research ethics and professional practice.

Keywords: Scientific research; ethics; research ethics; social responsibility; ethical codes; risks; philosophy of science.

References

- Angell M. The Ethics of Clinical Research in the Third World. *New England Journal of Medicine*. 1997. No.337. P. 847–849.
- Annas G., Elias S. *Genomic Messages: How the Evolving Science of Genetics Affects Our Health, Families, and Future*. Harper Collins, 2015. P.304
- Annas G.J., Elias S. *Gene mapping: using law and ethics as guides*. Oxford University Press, 1992.
- Cantín M. World Medical Association Declaration of Helsinki: ethical principles for medical research involving human subjects. Reviewing the latest version. *International Journal of Medical and Surgical Sciences*. 2014. Vol. 1. No. 4. P. 339-346.
- Dula A. African American suspicion of the healthcare system is justified: what do we do about it? *Cambridge quarterly of healthcare ethics*. 1994. Vol. 3. No. 3. P. 347-357.
- Erikson K. T. A comment on disguised observation in sociology. *Social Problems*. 1967. Vol. 14. P. 366-373.
- Haggerty K. D. Ethics creep: Governing social science research in the name of ethics. *Qualitative sociology*. 2004. Vol. 27. P. 391-414.
- Humphreys L. *Tearoom trade: Impersonal sex in public places*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. P.180
- Israel M., Hay I. *Research ethics for social scientists*. Sage, 2006.
- Jennings B, et al. Introduction: a strategy for discussing ethical issues in public health. In: Jennings B, editor. *Ethics and public health: model curriculum*. 2003. P. 241.
- Jones J.H. *Bad Blood: The Tuskegee Experiment: A Tragedy of Race and Medicine*. New York: The Free Press. 1981. Vol. 3. P. 15-54.
- Korn J.H. *Illusions of reality: A history of deception in social psychology*. SUNY Press, 1997.
- Lurie P., Wolfe S. Unethical Trials of Interventions to Reduce Perinatal Transmission of the Human Immunodeficiency Virus in Developing Countries // *New England Journal of Medicine*.1997. No. 337. P. 853–856. doi: 10.1056/NEJM199709183371212.
- Palys T., Lowman J. Ethical and legal strategies for protecting confidential research information. *Canadian Journal of Law and Society/La Revue Canadienne Droit et Société*. 2000. Vol. 15. No. 1. P. 39-80.
- Resnik D. B. The ethics of HIV research in developing nations. *Bioethics*. 1998. Vol. 12. No. 4. P. 286-306.
- Rossouw G.J. Business Ethics in South Africa. *Journal of Business ethics*. 1997. Vol. 16. P. 1539-1547.
- Sample M. Science, responsibility, and the philosophical imagination. *Synthese*. 2022. Vol. 200. No. 2. P. 79.
- Shamoo A. E., Resnik D. B. *Responsible conduct of research*. Oxford University Press, 2009. P. 341.
- Spellecy R., Busse K. The history of human subjects research and rationale for institutional review board oversight // *Nutrition in Clinical Practice*. 2021. Vol. 36. No. 3. P. 560-567.
- Vanclay F., Baines J. T., Taylor C. N. Principles for ethical research involving humans: ethical professional practice in impact assessment Part I // *Impact assessment and project appraisal*. 2013. Vol. 31. No. 4. P. 243-253.
- Van den Hoonaard W. C. Is Research-Ethics Review a Moral Panic? *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. 2001. Vol. 38. No. 1. P. 19-36.
- Werner M. H. Hans Jonas' Prinzip Verantwortung. Vorläufige Manuskriptversion. Zitierfähige Fassung in: Düwell, Marcus. *Steigleder, Klaus /Bioethik: Eine Einführung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003 .P. 41-56.
- Veber M. *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]*. (Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2019, 542 p.), [in Russian].
- Jonas G. *Princip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy civilizacii [The Principle of Responsibility. The Ethical Experience for a Technological Civilisation]*. (Moscow, Ajris-press, 2004, 480 p.), [in Russian].
- Harlamov V.E., Harlamova T.M. *Etika nauchnogo issledovaniya: zarubezhnyj opyt. Fundamental'nye issledovaniya [Ethics of Scientific Research: Foreign Experience. Fundamental Research]*. 2014. No.5-2. P. 402-405 [in Russian].
- Hyubner K. *Kritika nauchnogo razuma [A critique of scientific reason]*. (Moscow, IF RAN, 1994, 326 p.), [in Russian].

Сведения об авторах / Information about authors/Авторлар туралы мәлімет:

Сандыбаева Улболсын Майтановна – к.ф.н., ассоциированный профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Медеуова Кульшат Агибаевна – д.ф.н., профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Sandybayeva Ulbolsyn – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Medeuova Kulshat – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Сандыбаева Ульболсын Майтанқызы – ф.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Медеуова Күлшат Ағыбайқызы – ф.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Copyright: © 2023 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).